

Д.В. Арзютов

ОЛЕНИ И(ЛИ) БЕНЗИН: ЭССЕ ОБ ОБМЕНАХ В СЕВЕРО-ЯМАЛЬСКОЙ ТУНДРЕ¹

Настоящая статья представляет собой эссе об экономике северо-ямальских ненцев. Автор рассматривает стратегии долгов и обменов через отношения между оленеводами, государством и вахтовиками, обращая особое внимание на ландшафт, где эти отношения разворачиваются. Автор рассматривает *социальный смысл движения в тундре*, когда само перемещение представляет собой карту родства, включающую дарообменные отношения (водка и новости обмениваются на гостеприимство и ночлег). В этой постоянно изменяющейся сети в силу кочевого характера хозяйства ненцев возникают свои социальные маршруты, которые не только обеспечивают пространственное перемещение, но и поддерживают структуры социальных отношений. Кроме того, описываются *эквиваленты обменов*, которые помимо функциональной стороны имеют сезонное и пространственное измерение. В центре повествования оказывается социальная жизнь бензина, который парадоксальным образом в энергетическом центре российской экономики — Ямале — является едва ли не самым остро необходимым товаром, «доставание» которого превращается в сложную экономическую игру со многими акторами. В последней части статьи автор фокусируется на пространственных границах циркулирования денег, описывая при этом саму технику учета обменов через цифры, записанные на бумаге, сравнивая с практикой нанесения зарубок на бирках, что в более общем смысле сравнимо с современными электронными деньгами и банковскими картами, где на первое место выходит *внематериальный обмен цифрами*. В заключение автор предлагает смотреть на *хозяйство* ненцев как на сложную *экономическую модель*, где переплетаются воедино чувство земли, номадические логики социальных отношений и современные изобретения больших экономик. В приложении к статье автор дает выдержку из дневника С.И. Руденко начала XX в., где он детально описывает этнографию Обдорской ярмарки через цепочку обменов и долга, изготовление бирок и зарубок на них и т.д. Статья снабжена архивными фотографиями из собрания МАЭ РАН и полевыми фотографиями автора.

Ключевые слова: обмен, родство, дар, товар, кочевники, Арктика, ненцы

---

¹ Эта статья представляет собой этнографическое эссе, где я избегаю прямых отсылок к теоретической или сравнительной литературе, а представляю литературно обработанные описания из собственного полевого дневника во время моей поездки в 2015 г. в Тамбейскую тундру, а также местами делаю уточнения из предыдущих поездок в эти же места, начиная с 2009 г. Эссе снабжено полевыми фотографиями автора, а также фотографиями из архива МАЭ РАН. Основной целью данного эссе является показать, как осуществляются обмены в тундре, какова социальная жизнь разного рода вещей в этих многочисленных и многообразных обменах. Полевые исследования проведены за счет проекта *Arctic Domestication: Emplacing Human-Animal Relationships in the Circumpolar North* (ERC AdG295458, рук. проф. Дэвид Андерсон).

D. V. Arzyutov

**REINDEER AND/OR PETROL:
AN ESSAY ON EXCHANGES
IN THE NORTH YAMAL TUNDRA**

This article is about the economy of the North Yamal Nenets. The author examines the strategies of debts and exchanges as relations between reindeer herders, the state and shift workers, while paying special attention to the landscape where these relations are built. Firstly the author focuses on *the social meaning of movement in the tundra*. Movement in the tundra can be metaphorically viewed as a kinship map with gift-giving relations at its core (e.g., vodka and news are exchanged for hospitality and for staying overnight). Due to the nomadic nature of Nenets economy this ever-changing network includes not only social routes for spatial movement but also the support of social relations. Secondly, this article deals with the *equivalents of exchanges*, which besides their functional aspect have a seasonal and spatial dimension. The social life of petrol lies at the center of the narrative. Paradoxically, Nenets living in the energy center of the Russian economy, Yamal peninsula, consider petrol as the most urgently needed commodity: obtaining petrol turns into a complex economic game where many actors are involved. In the last part of the article, the author focuses on the spatial boundaries of money circulation. He describes the very technique of recording exchanges through figures written on paper, comparing with the practice of notching on tally sticks. In a more general sense it is comparable to modern electronic money and bank cards, which present rather as *out-material exchange of figures*. In conclusion, the author suggests looking at the economy of Nenets as a complex economic model, where the knowing the landscape, the nomadic logics of social relations and the modern inventions of the “big” economies are intertwined. In the appendix to the article the author gives an excerpt from Sergei I. Rudenko’s diary dated early XX century, where he describes in detail the ethnography of the Obdorsk Fair through a chain of exchanges and debt, the production of tally sticks and nicks on them, etc. The article is supplied with archival photographs from the collection of the MAE RAS and field photographs of the author.

Keywords: exchange, kinship, gift, good, nomads, Arctic, Nenets

*Памяти Николая Лачиевича Окоэтто —
великого знатока ямальской жизни*

О дороге к чуму

Был январь 2015 г. Мы уже второй день добирались до нашего чума. Путь от Сё-яхи до почти пролива Малыгина занимает обычно два дня, а то и более. Однако такая скорость характерна при движении из поселка в тундру, в чум, т.е. в случае с северной оконечностью полуострова Ямал — с юга на север. Путь в поселок обычно значительно быстрее: некоторые мои друзья спешат и порой добираются до поселка за один день. Но чаще всего к чуму люди могут ехать несколько дней, рассказывая поселковые новости и «собирая» последние новости от своих родных и знакомых, чтобы к моменту достижения своего дома не чувствовать случившего разрыва, возникшего за время отсутствия. Наблюдая за нашей дорогой, не трудно было заметить, что сам путь по тундре представляет собой цепь обменов, в том числе и обменов историями. Такой маршрут для моих друзей напоминал скорее развернутую карту родства, где мы, как по шахматной доске, перемещались от одного чума к другому порой противореча математической логике движения — поиску кратчайшего расстояния. Наши расстояния зависели от того, к кому (или точнее сказать «через кого») мы едем. По дороге до нашего чума на каждой нашей остановке я делал записи о нашем движении, указывая не только географическую координату, но и социальную роль нашего очередного хозяина по отношению к моему проводнику и другу, с семьей которого и в чум которого мы ехали.

На этой карте, несмотря на наш географический вектор: юг — север, проявлялись узлы социальных отношений, который связывали поселок и стойбище. Это были как узлы прямого родства — родственники моего знакомого, так и родственники его жены, но вместе с этим некоторые из наших остановок были гостеванием у одноклассников, некоторые из которых хоть и являлись родственниками, но все же довольно далекими. Как мне показалось

за время моих полевых исследований в Ямальской тундре, для тундровиков существует два пути признания «своего»: в сложной цепочке родственных связей и в системе одноклассников, т.е. ребят, с которыми они учились в школе-интернате. Мне неоднократно приходилось видеть, что эти две формы родства вполне эквивалентны и грань между родством «по крови» и родством «по интернату» довольно условна.

Сама остановка у чума и заход в чум — это своеобразный ритуал. Подъехав к чуму со стороны, где стоит священная нарта, и заглушив двигатель, мы сошли на снег. Оленеводы тут же присматривались к деталям «двора» и чума, говорящим о том, есть ли кто-то внутри или нет: стоят ли нарты, занесены ли они снегом, закрыт ли вход в чум прислоненной снаружи палкой. Потоптавшись немного и перекинувшись парой фраз, мы ожидали момента, когда выйдет кто-нибудь из хозяев. Никто не вышел. Было уже слишком поздно, и люди, вероятно, спали. Мы знали (или предполагали), кто в этом чуме живет, и поэтому отправили в качестве дипломата человека, лучше всех знакомого с хозяевами. Пока мы стояли в ожидании и разговаривали, мой знакомый сказал, что в дороге он всегда обращает внимание на то, как меняется у каждого чума расстановка нарт. Он как житель севера полуострова считает, что именно «северные» расставляют нарты наиболее правильно: нет хаотичности, все нарты стоят на своих местах; а чем южнее, с его точки зрения, тем этот порядок все более и более нарушается. Такая микротопография вещей для него была связана с имплицитным признанием «настоящести», т.е. «ненецкости». Как мой знакомый тогда объяснил, подъезжая к чуму, ты можешь сам оценить степень организованности хозяина и хозяйки именно по их манере расставлять нарты и ухаживать за ними. Пока мы вели разговоры о материальности и ее связи с идентичностью, наш парламентар вышел из чума и, махнув рукой, дал знать, что можно заходить. В этом чуме мы и остались ночевать...

Привезенная из поселка водка сделала наш вечер веселым и общительным. Обычно тот, кто живет совсем на севере полуострова, берет с собой несколько бутылок, которые раздаются в пути, и к моменту, когда ты достигаешь своего чума, запас подходит

к концу. Происходит следующее: удаление от поселка значит сокращение взятого алкоголя, а движение к поселку происходит вообще «на сухую», если, конечно, тебя не угостят люди, у которых ты остановился «почаевать» или вовсе на ночь. И как сказали мне в дороге, «не привезти водку из поселка — большая обида». Эти дарообменные отношения поддерживают не только *социальную сеть*, но и позволяют сохранять *маршруты* в тундре. Само движение на оси чум — поселок обретает еще один смысл — движение через цепочки «своих».

В тот вечер я как раз на это обратил внимание и задал об этом вопрос своим знакомым. Они засмеялись. Мы стали обсуждать этот парадокс и ушли в аналогиях довольно далеко в прошлое. И тут мой проводник рассказал такую историю: «Раньше, до появления снегоходов, когда в поселок мы ездили только на оленях, то в дороге мы делали несколько остановок. Олень ведь не может идти долго без передышки. Такое расстояние — 10–15 км — называется «попрыск» (ненец. *непой мендалава*). Затем оленю дают передохнуть. Мой отец прокладывал свой путь через чумы так, чтобы иметь возможность там оставить своих оленей. Он оставлял своих и брал оленей родственников и ехал дальше. На обратном пути он отдавал взятых и брал оставленных и почти у последнего чума забирал своих». Расспрашивая про эту технологию перемещения у других моих знакомых в других чумах, я услышал и такое уточнение: «Когда выезжают, то первая остановка должна быть короткой. Олень должен пописать. Если этого не сделать, то олени могут начать болеть». Поразительно, но движение по зимней тундре на снегоходе требует ровно такого же разделения времени на «попрыски», правда, связанные уже с остыванием двигателя...

Эта невероятная история, откровенно сказать, захватила меня своей удивительной прозрачностью. Как движение и обмен связаны между собой! История с водкой показалась мне тогда всего лишь еще одной иллюстрацией в цепи аналогичных схем...

Через некоторое время уже в «нашем» чуме я сам стал одним из тех, кто принимал гостей. Это были соседи, которые кочевали (местн. рус. *каслали*) южнее нас. Они приехали всей семьей (муж, жена и двое маленьких ребятишек). В действительности они ехали

1)

2)

Рис. 1–2. Отдых после «попрыска».

1) Фотография с картины художника Пелецкого «Отдых после попрыска» в Салехардском музее в 1935 г. (МАЭ И-473-11).

2) Ямальская тундра, зима 2013 г. (фотография автора)

дальше на север в другой чум, но почувствовав, что погода стремительно меняется, решили немного изменить маршрут, зная, что наш чум стоит недалеко и что его хозяева очень приветливы, а значит, что можно остаться на ночлег. Ребята гостили у нас восемь дней — восемь дней была пурга. К тому времени в нашем чуме уже гостил наш старый знакомый, который приезжал только на одну ночь, а остался еще на восемь дней. Всех вместе нас оказалось девять человек. Пурга, довольно много людей в относительно небольшом северо-ямальском чуме, постоянный чай, который и дополнительно согревает и создает моменты социального взаимодействия. В такие минуты, как говорили мои хозяева, «дел не столь уж и много, нужно просто ждать».

Наш гость, который был уже в чуме один день — дядя Федя — слыл по тундре как озорник и блестящий знаток ненецкого фольклора. Наши долгие ноче-дни (они сливались воедино, изредка прерываясь коллективным сном) были наполнены рассказами, исполнением *вадако* (сказка) или *яраби* (эпическая песня) и просмотром фильмов. Эти визуальные и звуковые формы причудливо перемешивались во вневременную пургу, сплетая несколько миров, то настаивая на зрительных спецэффектах, то давая простор воображению от прослушивая легенд.

В те дни я особенно много думал про гостевание. Несколько раз, наблюдая за своими хозяевами, я замечал, как они начинали тосковать, когда долго никто не приезжал в чум. Гости для них были так же важны, как те, кто живет вместе с ними — дети, собаки, олени. Если в начале своего пути к чуму я видел, как мы вплетались в ненецкую жизнь, то сейчас мог уже смотреть на нее изнутри, сам в каком смысле принимая гостей.

По сути, гостевание также выступает формой обмена, обмена новостями или физической помощью. Если кто-то приезжает к тебе в чум и остается там хотя бы на один день, то в высшей степени неприличным считается не помочь хозяину с оленями: загонять их в кораль, разделять стадо и т.д. Гостеприимство мыслится в том числе как обмен помощью: ты мне — я тебе. В этом смысле мне приходилось многократно видеть, как гости помогали нам каслать, ставить чум, или «дрессировать» оленей. Именно поэтому, когда

я вечерами после работы говорил со своими хозяевами о старости, они охотно мне объясняли, что они ее не боятся — всегда окажется кто-то, кто сможет тебе помочь. Интересным для меня было и другое — мы могли ждать гостей, чтобы что-то сделать. Простояв в феврале довольно долго на одной месте, во многом из-за погоды, мы ждали потом гостей, которые помогли бы нам с касланием. Вместе — проще. Сама рабочая сила рассредоточивается по тундре вместе с новостями и сплетнями.

Еще одно, о чем я спрашивал в связи с гостеванием, было связано с пониманием плотности связей гостевания в разных частях тундры. Чумы, которые находятся в относительной близости от поселка, являются чаще посещаемыми оленеводами на пути из чума в поселок и обратно, в то время как чумы, которые стоят довольно далеко на севере, живут скорее своей небольшой группой, и гостевание там сродни действительному «хождению в гости». Однако эта модель сезональна² и меняется при осенне-весенних длинных перекочевках.

На утро следующего дня мы отправились в путь. Перед нами уже стали маячить, как черные точки в снежном пространстве тундры, несколько домиков — некогда самая северная фактория Ямала.

Я сидел в санях, прикрепленных к снегоходу, и мой водитель, обернувшись, сказал, что мы подъезжаем к Тамбею, и тут же пошутил: «Там пей!» и засмеялся. В самом Тамбее мы были очень недолго. Может быть, несколько часов — два или три. Нужно было взять несколько бочек бензина — старый долг за рога. Перед тем как тронуться в путь, мы выпили чаю из термоса, сидя прямо на снегу. Женщины приготовили его в чуме, откуда мы отправлялись утром. Разговор зашел об оленях и экономике. Мой знакомый сказал: «За Тамбеем денег нет!». «Почему?» — спросил я. «Ну, а зачем дальше деньги-то. Да и здесь мы обычно все обмениваем. Деньги тут уже не нужны. Они нужны там — в поселке».

---

² В контексте данной статьи я предпочитаю использовать термин *сезональность* вместо *сезонности*, т.к. сезонность передает динамичность и текучесть времени, в то время как сезонность отсылает нас к строго ограниченному во времени сезону.

О том, как заводят генератор

Добрались мы до чума уже почти ночью. В чуме нас ждал старший сын моего знакомого — парень 30 с лишним лет. Сильный и хозяйственный, он мне казался каким-то идеальным олицетворением тундровика.

Поев строганины и выпив чаю, мы легли спать.

На следующий день началась пурга, пригнать оленей, чтобы их загонять в кораль, или что-то делать возле чума (заготовливать дрова, «подшаманить» наш снегоход и т.д.) было уже невозможно. Мы не могли, да и не хотели в такую погоду выходить лишней раз из чума, разве что когда это очень нужно. Однако сын моего знакомого и я выбрались «на улицу», чтобы занести в наши сени — специальная конструкция у входа в чум, распространенная преимущественно на севере полуострова — бензиновый генератор, чтобы завести и его и иметь возможность посмотреть на ноутбуке фильмы. Как я потом заметил, это повторялось в нашем чуме постоянно. Каждый раз, когда задувала пурга и большая часть работы для мужчин вставала, начинался затяжной кинопросмотр, который мог закончиться далеко за полночь, когда у всех смыкались глаза.

Пока мы возились со стартером, я стал расспрашивать, где и как мои знакомые берут фильмы. Главными героями в этом рассказе стали *пидичи*. *Пидичи* — термин для обозначения не столько всех русских, или точнее всех приехавших с большой земли или «России», но именно геологов, вахтовиков и т.д., т.е. людей, работающих в добывающей промышленности или связанных с полевыми исследованиями. Я тоже был *пидичи*. Само же слово *пидичи* происходит от слова экспедиция. Этот термин существует параллельно с другим более известным в этнографии ненцев — *луца*, под которым обычно понимают всех приехавших с Большой земли, всех «некоренных», т.е. тех, кто не попал в довольно большой арсенал этнонимов на ненецком языке, данных по отношению как к ближайшим соседям, так и довольно далеких, но, вероятно, исторически знакомых.

История *пидичи* для моих знакомых прочно ассоциируется с 1980 годами, когда в тундру в большом количестве стали приезжать геолого-разведочные экспедиции, которые завозили необхо-

Рис. 3. Тундровой кинотеатр (фотография автора, февраль 2015 г.)

димый для них самих строительный материал. Именно благодаря им в тундре произошел строительный бум. Как говорят, именно с ними в тундру пришел *дарнит* / *дорнит* — синтетический нетканый материал, который используется, преимущественно как утеплитель для покрышек чума. Само название *дорнит* происходит от аббревиатуры Дорожного НИИ (ДорНИИ, существует и сегодня как РосДорНИИ), которое разрабатывало этот материал для больших строек социализма, таких как БАМ. Помимо *дорнита*, с *пидичи* пришли и доски, из которых оказалось удобно делать сени и сани.

В это же время, как говорил мой хозяин, появляются и бураны (первоначально под этим словом имелся ввиду советский снегоход марки «Буран», а сегодня так называют все снегоходы в независимости от их марки). Вместе с буранами или, как последние сорок лет говорят этнографы, «снегоходной революцией» на Ямал пришел бензин, но сначала исключительно как материальное вещество, необходимое для заправки двигателей буранов. Как говорил мой хозяин, до конца 1990-х годов бензин не был столь важным, т.к. большинство буранов было в собственности совхоза и бензин

был частью государственной инфраструктуры. Начиная с конца 1990-х — начала 2000-х годов снегоходы стали появляться как частная собственность, что значительно изменило и саму экономику, выводя бензин на первое место в числе эквивалентов в цепочках обменов. Разговаривая о *пидичи* и бензине, мы старались завести наш генератор, который, видимо, довольно сильно промерз и не заводился.

Уже после нашего разговора я, многократно выходя в «сени» или заходя через них в чум, осматривал их и расспрашивал своих знакомых об их истории.

Сени стали архитектурным изобретением оленеводов. С одной стороны, на Севере были уже известны сени как дополнительный *нюк* (покрышка для чума), который, будучи надетым на приставленные к чуму нарты, заслонял вход с подветренной стороны. Название таким сеням было *не' хэу*. Я видел их пару раз. Изобретение же 1970-х годов значительно отличались. Теперь это были сани, точнее — основа от них, на которую выстраивался остов из досок, по форме напоминающий кабину (или даже балок), которая сверху покрывается дорнитом и привязывается к веревкам, держащим чум. Обычно эти сани-сени перевозятся одними из первых при перекочевке.

Пидичи дали возможность развитию и изготовления саней. Известные прежде на русском Севере сани получили свое второе рождение на Ямале именно за счет геологических экспедиций. При этом сами сани получили новую функцию в ансамбле вещей и средств передвижения. Их используют исключительно для снегохода и перевозят на них или людей, или любые вещи на дороге в направлении поселок — чум, или же используют для перевозки технологических вещей, вошедших в быт столь недавно, что еще не «нашедших себе» место в аргише: двигатели, генераторы, бочки, антенны, телевизоры и т.д.

Прошло, наверное, около получаса, и нам все-таки удалось завести генератор. Мы зашли в чум, отряхнулись и стали готовить ноутбук для просмотра фильма. На внешнем диске хранилось довольно много фильмов, которые в последний раз один из близких родственников моих знакомых привез, когда ездил на буровую,

Рис. 4. Северо-ямальские сени (фотография автора, февраль 2015 г.)

Рис. 5. Сани для снегоходов (фотография автора, март 2015 г.)

или «на бутылку», как ненцы называют их в шутку из-за их внешнего вида. Когда он заезжал к нам, то довольно много рассказывал, как он ездит к *нидичи* и как у них в столовой порой можно поесть бесплатно, что скорее для него было «дегустацией» той пищи, которую можно попробовать разве что еще в поселке. Ездит он туда, как он сам говорит, прежде всего для того, чтобы «продать» (в действительности выменять) рыбу или оленину. Питание на буровых не очень хорошее, зачастую используется тушенка, которая довольно быстро приедается, и вахтовики спрашивают у заезжающих ненцев, нет ли у них рыбы или оленины в обмен на бензин или газоконденсат (или просто конденсат). Наш генератор, кстати, работал именно на таком топливе. Помимо бесплатного ужина или обеда, выменянного бензина, наш знакомый привозил и фильмы, которые потом распространялись между чумами.

На нашем жестком диске оказалось довольно много фильмов. Это боевики, российские сериалы и иногда — документальные фильмы о ненцах (Э. Бартенева, А.В. Головнева и др.). В этом списке фильмов тогда я увидел еще и своеобразный обмен двух эстетических систем, которые не противоречили друг другу, а напротив, находили общий язык: визуальная эстетика вахтовиков и визуальная эстетика оленеводов. До эпохи вахтовиков, как говорят оленеводы, они ездили (некоторые продолжают ездить и сейчас) на полярную станцию на о. Белый, чтобы посмотреть у них фильмы, а в начальную пору портативных DVD-плееров именно у полярников удавалось выменять DVD-диски с фильмами.

В тот метельный день мы просмотрели, кажется, 7 или 8 фильмов.

О совокупности чумов и бензиновой экономике

Во время завтрака мы услышали приближающийся шум двигателя — это был буран главы нашей общины, он приехал к нам из поселка, чтобы поговорить о сдаче оленьих рогов. Дело в том, что собирать рога, заезжая в каждый чум, очень неудобно. Их спиливают «по чумам», а потом свозят все в один чум. Оттуда их уже увозят на факторию. В этот же чум привозится бензин в бочках. Если в движении к чуму я наблюдал, как разворачивается родство

в географическом пространстве, то здесь можно было уже увидеть, как происходит экономическое и социальное объединение чумов. Проведя уже больше месяца в чуме у своих друзей и наблюдая, сколько людей проезжало через нас или ночевало, я понял, что в тундре, помимо объединения нескольких чумов в стойбище, существует и своеобразная сеть, состоящая из 10–15 чумов, которые объединяются, назначив один из чумов опорной точкой.

Так уж случилось, что чум, где я зимовал, был именно таким узлом. Его опорность определялась социальной ролью хозяев и их умениями вести повседневную тундровую дипломатию: им доверяют, их семьи являются едва ли не образцовыми, в их чуме всегда можно оставаться на ночлег, они приветливы. Эти качества словно гарантируют надежность не только социальных отношений, но и экономических операций. Оленеводы северной части полуострова каслают на относительно небольшие расстояния. Конфигурация чумов претерпевает изменения (чумы могут расходиться на значительные расстояния для повседневной практики приездов и гостевания), но эти изменения, во-первых, сезональны, а во-вторых, не меняют радикально саму идею такого рода объединений.

К нашему чуму подъехали некоторые «соседи», которые привезли несколько мешков спиленных рогов оленей. Как сказал хозяин нашего чума, *«сегодня будет много работы»*. Мы попили чай с главой общины, обсудили какие-то мелкие дела и отправились в стадо на снегоходе, чтобы пригнать оленей для загона в кораль, а наши гости должны были помогать нам в спиле оленьих рогов.

Когда олени подошли к чуму, мы приступили к их «прогону» возле коралья, отлавливая самых непослушных, а затем привязывая их к нартам, из которых кораль и был собран. Меня как самого младшего и уже не воспринимаемого как гостя, попросили сбегать за ножовкой, чтобы начать отпиливать рога. Рога нужно пилить как можно быстрее, чтобы не мучить оленя и не уставать самому, постоянно прикладывая усилия по удерживанию рогов. Само спиливание рогов шло недолго. Я и сам приноровился быть неплохим помощником в этом деле, научившись быстро пилить и плотно укладывать рога в мешок.

Рис. 6. Загон оленей в кораль (фотография автора)

Когда наши мешки были собраны, то мы стали их взвешивать и проверять, сколько килограммов рогов мы заготовили. На листке бумаги возникла опись с кличками хозяев привезенных мешков и цифрами, обозначающими количество килограммов.

Помимо приезда гостей с мешками, наполненными спиленными рогами, наши соседи стали приезжать и с пустыми бочками, которые они брали, как и многие другие вещи, много лет тому назад на о. Белый с заброшенной воинской части. Сегодня эта территория входит в государственную программу по очистке Арктики от мусора. В некоторых бочках оставалось немного бензина, который нужно было слить, осушив бочку. Сами бочки обычно крепятся к саням и перевозятся перевязанными веревками, как вся прочая ненецкая поклажа на нартах.

Отступая немного в сторону, нужно сказать, что использование заброшенных бензиновых бочек (*хор*), которые как дар от руин бывшего государства переместились к тундровикам, огромен. Некоторые из бочек передельвались в печи («буржуйки»). Одно из использований — *халя бочка* (от ненец. слова *халя* — рыба), которая

Рис. 7–9. Взвешивание рогов и записывание данных на бумагу;
подготовка бочек для бензина (фотографии автора)

Рис. 7–9. Взвешивание рогов и записывание данных на бумагу;
подготовка бочек для бензина (фотографии автора)

в зимнее время играет роль холодильника: в пустую бочку, хорошо очищенную от бензина, укладывается выловленная рыба, которая в ней глубоко промерзает и может храниться довольно долго. В летнее время, как говорили мои друзья, такую бочку можно закатывать в снег в оврагах, тем самым сохраняя рыбу для строганины.

Есть единственное конструктивное условие *халя бочки*. Она должна быть открыта не как бочка, использующуюся для бензина (т.е. имеющая закручивающуюся сверху небольшую крышку, через которую бензин заливается, а затем с помощью шланга выкачивается), а быть словно огромная банка из-под консервов, открываемая консервным ножом и в результате имеющая отгибющуюся крышку (см. рис. 10). Именно такая крышка, которая с помощью молотка может быть отогнута и загнута, предохраняет рыбу от того, чтобы быть съеденной песцами, собаками или даже белым медведем.

Мешки с рогами и бочки были оставлены в нашем чуме. Через некоторое время мешки и пустые бочки были перевезены на фабрику, где, по сути, и происходил перевод рогов на бензин.

Рис. 10. *Халя бочка* (фотография автора)

Рис. 11. Старые бочки советских времен, которые используются оленеводами для транспортировки бензина по тундре (фотография автора)

Закончив нашу работу по спилу рогов, мы пошли пить чай, а старший сын хозяина чума отправился на снегоходе отгонять оленей на новое место выпаса. Сидя в чуме за чаем, я задумался о все более проясняющейся картине обменов. Возникали места, требовавшие уточнения. Что означают эти цифры и как они становятся бензином в рамках оленеводческой экономики?

О цифрах, зарубках и бирках

Итак, что это были за цифры на бумаге? Для стороннего наблюдателя (как вначале и для меня) такого рода обмен оленьих рогов на бензин казался именно обменом. Однако при ближайшем рассмотрении, расспрашивании и вслушивании в определения можно заметить, что в этом жонглировании цифрами присутствуют и деньги. Дело в том, что все мои знакомые прекрасно знают, сколько стоит бочка бензина как на фактории, так и в поселке. И именно это знание имплицитно присутствует во всех формах казалось бы натурального обмена.

Все наши перемещения от поселка в тундру через Тамбей и обратно в поселок были для меня очень и очень интересны тем, как люди договаривались о стоимости тех или иных вещей. Тамбей полностью работает за счет безденежного обмена, но здесь есть одна особенность. Весь обмен осуществляется через знание стоимости того или иного товара в поселке или же договоренностей об этой стоимости. Так, один килограмм рогов стоит 400 руб. (февраль 2015 г.) в поселке. Бочка бензина, которая выступает эквивалентом как движения в пространстве (сколько бочек бензина до того или иного места) или же больших экономических сделок (сколько бочек бензина стоит тот или иной товар) в поселке стоит 16 000 руб. (февраль 2015 г.). В Тамбее на рога «покупается» бензин, но рога там стоят уже 300 руб. (а иногда и 200), а цена бензина, наоборот, вырастает.

Знание этих цифр создает невидимую сторону всех экономических сделок в тундре. По сути, если олень выступает товаром, то эквивалентом становится именно бензин, связывающий эти два мира: мир «природы» и «модерной экономики» посредством цифр. Для меня эти рассказы были знакомы через собственный опыт получения зарплаты в цифрах на банковском счете и порой возможностью целый месяц не снимать денег, а рассчитываться только банковской картой, лишь запоминая цифры (или просто отслеживая их в своем «личном кабинете» на сайте банка).

Возвращаясь к листу с цифрами нужно сказать, что здесь отображались данные о килограммах, стоимость каждого из которых прекрасно известна. Затем, когда бензин был привезен в наш чум для нас и наших и соседей эти цифры уже конвертировались с литры, где «в уме» присутствовали именно деньги (через соотношение стоимости килограмма рогов и стоимости литра бензина).

Эти невидимые деньги и видимые цифры отсылали меня к другим схожим экономическим практикам ненцев как в разные сезоны, так и в прошлом.

Мне пока не удалось побывать во все сезоны на Ямале. Осень — очень важный период для ненецкой экономики. Мне рассказывали, как происходит счет оленей. И здесь я немного остановлюсь на этом.

Рис. 12: Пример зарубок на бирке. Фотография автора сделана во время ненецкой свадьбы в Москве (декабрь 2014 г.)

По осени оленеводы считают своих оленей. Это время обычно совпадает со временем клеймления оленей — вырезания меток на оленьих ушах. Обычно с собой в стадо берутся четырехугольные палки (*мадатама ня*, *юдатама ня*), которые также используются и на свадьбах при фиксации калыма за невесту.

Каждая из сторон или граней такой палки имеет свое назначение. Одна сторона обозначает важенок (*яходей*), вторая — быков (*хабтя*), третья — бычков (*нгамнга*), и наконец четвертая — нетелей (*сырей*). Имеющийся всегда при себе у оленевода нож в этот момент становится письменным прибором, с помощью которого наносятся зарубки, которые бывают двух видов: I означает 5, X означает 10.

Вернувшись домой с такими палками, оленеводы переносят эти цифры на бумагу, в свои амбарные книги, цифры в которых рассказывают историю их стада. В этих же книгах порой могут встречаться имена наиболее выдающихся оленей, память о кото-

рых очень важна олениводу. Такие книги обычно хранятся в священной нарте.

В относительно недавнем прошлом такая бюрократия с помощью палок существовала и в форме долговых расписок (см. приложение), что отсылает нас в далекое время, где такие долговые бирки были известны в Древней Руси, Скандинавии и Великобритании.

Об обмене оленями

В тот день мы поехали в стадо. Наш снегоход сломался, и нам очень нужны были олени, чтобы иметь возможность добраться до наших соседей и обсудить, когда придет на фабрику бензин и как мы будем с ним поступать.

Погода была не очень хорошей и не очень хорошо подходила для поимки оленей. Мы взяли с собой несколько хвостов соленой рыбы, которая нас очень выручила, т.к. мы смогли подманить нужных нам оленей именно ей, а также используя довольно хитрые приемы, как, например, приподнимание гуся (верхняя зимняя мужская одежда) и малицы и имитация мочеиспускания мужчины. Олени были наши.

Запрягая, мой друг рассказал мне и о некоторых историях оленей. Оленьи имена — это не просто красивые или смешные клички. Всегда или почти всегда эти клички отражают биографию животного и историю отношений хозяев с разными людьми. Среди наших оленей был один, которого мой знакомый назвал «Поп». Я, конечно же, удивился. Оказалось, что каслающие неподалеку ненцы-протестанты подарили его моим друзьям. Получив оленя, он нуждался в имени, которое ассоциативно и было дано. Кроме многочисленных историй, мы обсуждали и то, что вообще значит подарить оленя. В действительности за этим актом стоит довольно интересная схема, которую я потом слышал несколько раз от разных людей, но которая не противоречила схеме, услышанной мной в стаде.

Когда ты еще ребенок, то тебе кто-то из родственников подарит одного оленя, и этот олень, чаще всего бык, начнет персональную историю обменов оленями с этим твоим родственником. В ответ

через какое-то время ты даришь уже двух оленей (быка и передового), т.е. ты даришь не только самого оленя, но и вложенный в него труд по «дрессировке». При этом через соотношение одного к двум создается схема не только обменов, но и долженствования. На этот дар через какое-то время твой родственник реагирует таким же отдарком — два оленя: бык и передовой. Однако это не происходит молниеносно и дары с отдарками могут занимать очень продолжительное время — в несколько лет. Сам дар, как олениводы считают, может и разорвать отношения, если предложить в качестве одного из отдарков одного оленя, а не двух. Все эти «шахматные партии» — это исключительно мужская история. Женщины в этом не участвуют.

Женщинам делают подарки мужчины. Обычно братья невесты дарят ей важенку и передового. Но вместо важенки может быть подарена и *ягушка* (женская распашная верхняя зимняя меховая одежда). Женщины редко ездят в гости, и поэтому дарообменные отношения для них чаще всего не столь актуальны. Как говорили многие мои знакомые, вся эта цепочка даров — удел мужчин, которые ее поддерживают как социальную сеть, работающую как через гостевание, так и через разнообразные варианты помощи и поддержки.

В отличие от расчетливой стратегии дарообмена оленями обмен собаками выглядит намного проще. Как говорят олениводы, одна собака может идеально подходить одному хозяину и совершенно не подходить другому, поэтому олениводы зачастую подолгу подбирают своих собак и более свободно ими могут обмениваться.

Об обмене с «дикарями»

Безденежный мир тундры, как и многие другие безденежные отношения, пленит взор исследователя. Однако север Ямала преподносит и другие сюрпризы такой безденежной экономики. Именно север Ямала — пространство, где основа ненецкой экономики, олень, соседствует с оленем диким. Здесь олениводство лишь одна из комплементарных стратегий наряду с рыболовством и охотой — охотой, прежде всего, на дикого оленя.

В последнее время число диких оленей на севере полуострова значительно выросло. Сами оленеводы к этому относятся двояко: дикий олень опасен «откалыванием» части стада и его угоном, но в тоже время дикий олень — источник пищи. Однако несмотря на такое казалось бы природное / биологическое явление, как увеличение поголовья диких оленей, тундровики и знающие поселковые видят в нем скорее результат техногенного влияния.

Мне доводилось несколько раз слышать, как оленеводы объясняли причину «одичания» севера полуострова, которую я кратко приведу и здесь. С их точки зрения, дикий северный олень преимущественно обитал на о. Белом, приходя на полуостров и уходя с него сезонально. Помимо этого движения (о. Белый — Ямал) дикий олень приходил и с восточной стороны, или, как говорят местные ненцы, «с Таймыра». Эти две популяции они отличают по окрасу шкуры (белый окрас — с о. Белый, темный окрас — с Таймыра) Однако со времени строительства порта Сабетта и местного завода по сжижению газа потребовалось установить навигацию ледоколов, которые обеспечили бы транспортировку сжиженного газа на Большую землю. Оленеводы считают, что постоянный «открытый» пролив Малыгина и Обская губа изменили сам маршрут перемещение диких оленей, которые теперь не возвращаются по льду на о. Белый, а остаются на полуострове. Их число постоянно растет, т.к. при относительно небольшом количестве оленеводов в северной части Ямала они не могут отстреливать столь большое количество диких оленей. Как результат, дикие олени несут угрозу «откалыванию» стад. За чаем в чуме мне доводилось слышать фразы: «один волк не приходит дважды. Волк не берет столько, сколько откалывают дикари». Именно эта история с диким оленем пролила для меня свет еще на одну сторону тундровых обменов — обмены с природой, точнее обменов с «дикарями».

Мы отправились на охоту после того, как перекаслали на новое место. Я был совершенно уставший, но отказаться от участия в охоте не мог. Длилась она очень короткое время. Сегодня охотятся исключительно на снегоходах: он позволяет развивать очень большую скорость и настигать жертву за считанные минуты, после чего раздается выстрел. Подстрелив нужное количество голов,

ты собираешь их, укладываешь на сани, с которых до этого сняли стенки, и едешь обратно. Наша охота длилась едва ли больше одного часа. Техническая скорость упростила сам ритуал, вытеснив сложные конструкции и изучение поведения на второй план.

Уже когда при сумерках мы разделявали туши, мои друзья говорили, что теперь мяса хватит для нас и собак на довольно долгий период времени. Более того, оленеводы любят мясо «дикаря» больше, нежели чем мясо домашнего: оно более нежное. Удивительно, что сакральное отношение к дикому оленю (*илеби* — что означает и источник жизни и, по сути, весь скарб кочевника) превращается в представление об угрозе и, как следствие, в стремление предотвращения роста поголовья диких оленей за счет как можно большего их отстрела.

В отличие от домашнего оленя, мясо которого больше потребляется внутри чума, его выращившего, добытые туши диких оленей разделяются между родственниками и знакомыми.

Возвращаясь из экспедиции, я застрял в ожидании своего вертолета в поселке Сё-Яха — некогда фактории, а сегодня довольно крупном и перестроенном за счет Газпрома поселке. Был вечер, и неожиданно для всех в поселке погас свет. Мой друг, у которого я жил, предложил мне пойти в гости к его пожилому отцу — знатоку тундровой жизни. Мы провели у него весь вечер за увлекательными беседами о разных прошлых и нынешних делах. Зашла речь и о «дикарях». Он с простотой и ясностью объяснил мне саму «политику» оленеводов в отношении «дикарей», с которой я согласился, т.к. уже слышал о этих деталях от своих друзей в чуме.

Для него позиция «дикаря» в ненецкой тундре связана с устойчивостью оленеводства. Если оленевод питается в основном диким оленем, то дикий олень забирает часть стада себе — это является «моральным» и «правильным», т.к. устанавливается равновесное состояние между оленеводами, его стадом и стадами диких оленей. Эту же мораль оленеводы переносили и в другую плоскость, говоря о необходимости поддерживать относительно стабильное небольшое поголовье в стаде: 300–500 голов, которых будет достаточно для устойчивой экономики одного домохозяйства и в ситуации эпизоотии позволит быстро и легко регулировать жизнь стада.

Хозяин чума, где я жил, довольно точно это описал, рассказывая о причинах массового падежа оленей на Ямале в 2014 г.: «Олень для нас — это и “сберкнижка на четырех ногах”, и что-то от самой природы. Нужно постоянно понимать, что делать с оленями, понимать природу». В этом фрагменте для меня отчетливо звучало соотношение между даром и товаром, которое в случае с дикими оленями особенно интересно, т.к. чаще всего туши именно диких оленей вымениваются на бензин у вахтовиков.

О деньгах

Денежный мир ненцев не менее сложен, чем мир обменов, где деньги в их материальном смысле отсутствуют. Как и в большинстве языков, в ненецком языке деньги делятся на металлические (*еся*”) и бумажные (*надар’ еся*”). При этом металлические деньги и общее понятие денег выражается одним словом (*еся*”). По представлениям моих друзей с севера полуострова деньги должны храниться у женщины, а тратят их мужчины. Для этого у каждой замужней женщины есть специальный кошелек (*есь” нгэся*’), который находится в специальном мешке (*сея’ пад*) в чуме и располагается на постели в головах у женщины. Есть даже примета, что если у замужней женщины такого мешка нет, то ей снятся кошмары. Эта же сумка по-особенному располагается на нартах *юхуна*, так, чтобы замок / вход смотрел в центр нарты, а не на край. Несмотря на то что физически деньги могут храниться в тундре, но даже на фактории они обычно не нужны: расчет в большинстве случаев осуществляется через запись долга в амбарной книге. Возврат долга осуществляется сезонально и зависит от оленеводческих практик: спил рогов и пантов, забойка.

Однако в поселке (Сё-Яха) происходит переход к монетарной экономике. Амбарная книга там работает только для поселковых. Тундровики для местных купцов неуловимы, и на них не может быть оказано никаких форм давления для возврата долгов.

Когда в поселке я общался с главами общин, то они обращали мое внимание на сезональность обменов и долгов. С их точки зрения, «летняя экономика» оленеводов значительно отличается от

Рис. 13–14. Ненецкий магазин
(фотография МАЭ И-473-60 и фотография автора)

«зимней». Летом экономика оленеводов словно замораживается, в это время люди чаще берут в долг, а возвращают свои долги по осени или зимой, реже — весной.

Осенняя или зимняя «забойка» — исключение. Здесь оплата за сданных оленей идет деньгами, все остальные операции (рога и панты) осуществляются на севере полуострова как обмен на бензин, который выступает едва ли не главной валютой.

Для описания экономических отношений ненцы используют следующие глаголы: *темдӱба*, *темдорӱмӱ*, *хабеянзъ* (ср. этноним ханты на ненецком — *хаби*) и *тӱдӱба*.

Я позволю себе начать со слова *хабеянзъ*, которое можно было бы перевести как поездка за покупками. В отличие от *хабеянзъ*, под *темдорӱмӱ* обычно понимается покупка вещей внутри обитаемого пространства. Скажем, внутри поселка, внутри тундры, внутри города. Под *тӱдӱба* понимается безденежный обмен, тогда как *темдӱба* — это всякая покупка. В этой системе терминов примечательно то, что ненцы топографически разграничивают экономическое пространство и доставку тех или иных вещей. Это нас возвращает к началу этого эссе, когда речь шла о гостевании как едва ли главной социальной и экономической стратегии оленеводов.

В завершении настоящего очерка я хотел бы предложить читателю фрагмент из дневника С.И. Руденко, который показывает этнографию экономической жизни Обдорской ярмарки.

Январь 1910 г. Молодой петербургский этнограф и антрополог С. И. Руденко в Обдорке делает записи о торговле у хантов и ненцев. В своей полевых записях он описывает экономику Обдорской ярмарки начала XX в.

Обдорская ярмарка по внешнему виду совсем не похожа на ярмарки центральной России и Украины. Все торговые сделки в Обдорске происходят на дому. Тобольские и томские купцы имеют в Обдорске свои фактории: большой дом с обширным двором, складами и лавкой, со специальным ассортиментом товаров, требуемых самоедами и остяками. Обдорские мещане также почти все ведут торговые операции: те, кто позажиточнее, самостоятельно, те же, кто победнее, являются посредниками между самоедами и остяками, с одной стороны, и факториями — с другой. Товары — скобяные, бакалейные, мануфактура, оружие и охотничьи припасы, хлеб — все это завозится с осенними пароходами и хранится до начала ярмарки. Казенная монополия также озабочена своевременным завозом водки и спирта. Ярмарочная выручка казенной монополии от 150 до 200 тыс. руб.

На ярмарку съезжаются остяки с Нижней Оби, но главный контингент — это остяки и особенно самоеды заобские, с северного Урала и полуострова Ямала. Там они проводят лето, осенью добывают пушного зверя и после нового года подкочевывают к Обдорску, затем идут дальше на юго-восток в полосу лесотундры. В апреле начинается обратное движение оленеводов, причем в Обдорск они уже обычно не заходят. На ярмарке оленевод продает всю добытую им пушнину и делает запасы всего необходимого на круглый год.

Не доходя километров тридцать-пятьдесят до Обдорска, оленеводы задерживаются на несколько дней. В чумах с оленями остается большинство, на ярмарку же едут только старшие в семье или в небольших родовых объединениях из группы семей старшие с женами. Далеко за сотни километров от Обдорска в тундре можно встретить приказчиков и поверенных крупных фирм и мелких торговцев, перекупщиков, выезжающих навстречу оленеводам для скупки пушнины. Однако эти выездные торговцы сколько-нибудь значительных операций не совершают. Самоеды опасаются продешевить и придерживают пушнину. Кроме того, почти все они связаны долговыми обязательствами и вынуждены сдавать пушнину своим кредиторам. Перекуп-

щики и приказчики имеют дело, главным образом, со случайными продавцами и более всего озабочены зазывом продавцов к себе в Обдорск или к своим патронам.

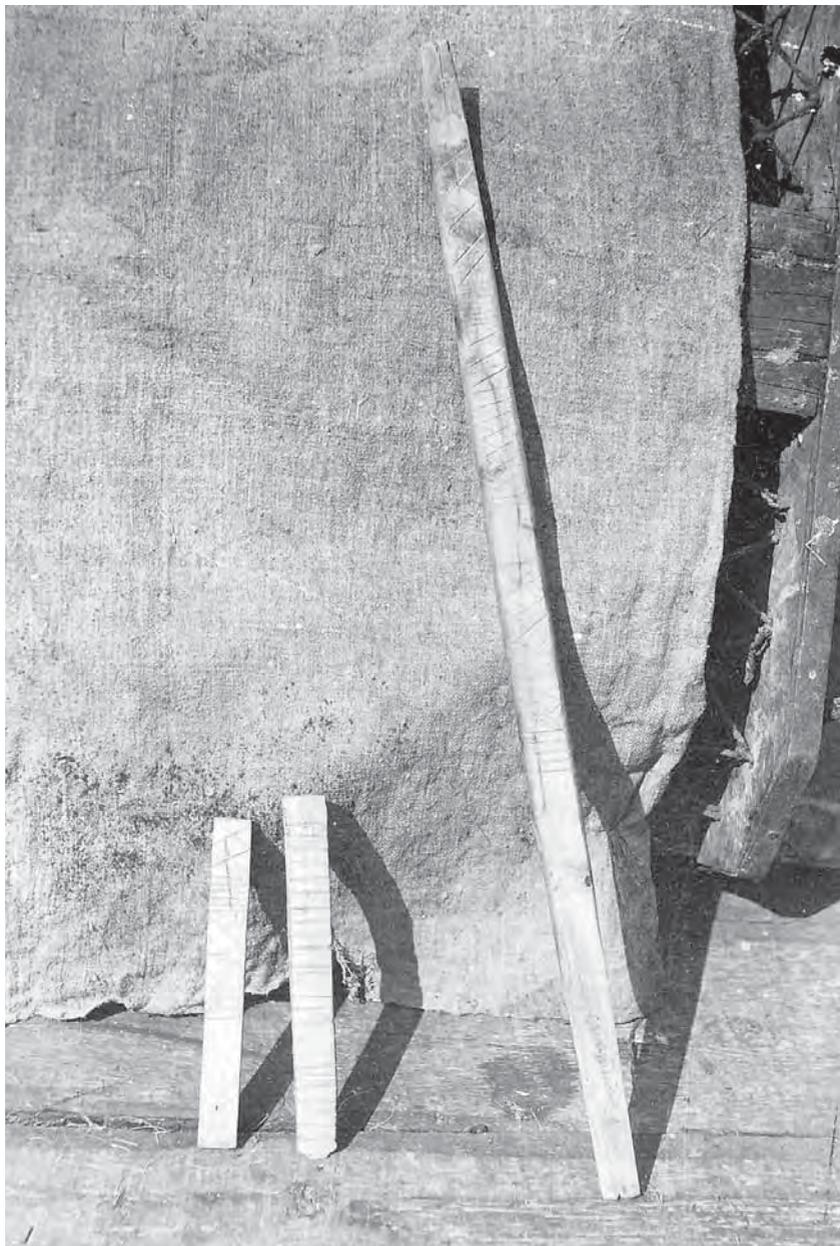
Подкочевав к Обдорску, самоед собирается на ярмарку. Забирает всю пушнину, несколько нарт, запряженных оленями, в зависимости от количества товаров, которые он намерен забрать, и с утра выезжает в Обдорск. Заезжает он к своему кредитору и принимается им со всем радушием. Олени сдаются под присмотр членов семьи хозяина или приказчика фактории.

Покупатель принимает промышленника в зальце, жену угощают женщины. Расположившись на полу, некоторое время беседуют о событиях, которые имели место за истекший год, о здоровье знакомых и их родни, о состоянии оленей, о промысле. Наконец начинается торг. Самоед вытаскивает связку с десяток песцов и начинает рядиться. Начинается торговля с самых плохих шкур, и чем дальше идет продажа, тем лучше и лучше продавец вытаскивает шкурки. Ходовая цена на песца, скажем, 19 руб. за шкурку. С невероятным упорством самоед стоит на цене в 21 руб. и в конце концов спускает до 20 руб. 50 коп. за шкурку. Никакие уверения покупателя, что шкурка этой цены не стоит, клятвы, что он покупает их себе в убыток, на самоеда не действуют. Наконец первая связка продана. За нею идет вторая, третья и так далее. Кончатся шкурки белых песцов, за ними идут голубые. Новый торг, и самоед опять продает их с небольшой надбавкой против установившейся розничной цены. За песцами идут лисы, сначала белодушка, затем чернобурые, крестоватики, волки, шкуры белых медведей и т.д. Расплата идет наличными деньгами. За каждую партию, за каждую шкурку уплачиваются деньги немедленно. У покупателей лежат кучи мехов, перед продавцом груды денег. За шкурки уплачено уже несколько тысяч рублей, и у покупателя денег больше нет. Между тем продавец извлекает еще партию мехов. Купец просит у продавца денег взаймы. Последний отсчитывает тысячу или две, и торг продолжается. Здесь же на полу стоит бутылка рябиновки, легкая закуска и две рюмки. Через некоторое время и занятые деньги перешли продавцу, а продажные шкурки еще имеются. Заем денег производится вторично, и в третий раз пока все шкурки не проданы. Тогда самоед подсчитывает свою выручку. Оказывается, что у него наличными, сажем 4570 руб., да в долг он дал купцу 3000 руб. Вырученные деньги 4570 руб. самоед отдает на хранение купцу, что вместе с 3000, данными им в долг, составляет 7570 руб. Берется бирка, на ней зарубками

вырезывается указанная сумма 7570 руб., отданные на хранение самоедом купцу. Бирка раскалывается на две половинки — одна остается у купца, другую прячет у себя самоед.

Рис. 15–16. Фотографии бирок (МАЭ И-1162-29, И-1162-30)

Пушнина сдана, самоед свободен и теперь начинает гулять вместе со своей женой, т.е. попросту начинает пьянствовать. Для клиентов у торговцев в доме имеются особые комнаты. Там приезжие спят, едят и пьют. Три, пять, семь дней и более идет беспробудное пьянство. Особые приказчики и подручные купца в это время следят за пьяными самоедами и остяками, чтобы они в пьяном виде не замерзли где-либо на морозе и чтобы с ними ничего не случилось. Проходит некоторый — срок пять, семь дней, и в одно прекрасное утро самоед начинает соображать, что пора уже возвращаться к стадам, пора кончать гулянье. Он прекращает пить. Целый день, а иногда и на следующие самоеда трясет, как в лихорадке, он болен. Опохмеляется, но не пьет. Наконец, он поправился и идет в лавку купца своего патрона закупать товары. Вытаскивается бирка, складываются обе половинки и устанавливается, что пушнина сдана на 7570 руб. Вытаскиваются половинки прошлогодней бирки, расчет самоеда с купцом после закупки товаров, складываются и устанавливается, что самоед остался должным купцу 1231 руб. Долг этот отдается, и самоед имеет в своем распоряжении 6339 руб. на закупку товаров.

Снова начинается долг. Самоед требует 30 аршин красного сукна. Купец назначает цену 10 руб. за аршин, в то время как 9 руб. — общеизвестная цена аршина этого сукна. Самоед начинает торговаться, ссылаясь на то, что такое сукно он в любой лавке может купить по 9 руб. Купец со своей стороны напоминает, что рыночная цена на песцов 19 руб. за шкурку, он уважил самоеда, дал ему по 20 руб. 50 коп., почему же самоед не хочет его уважить и дать ему 10 руб. за аршин сукна. Довод убедительный, и самоед соглашается на 10 руб. При назначении цены выше рыночной на пуд баранок, сахара, ружей и тому подобное вспоминается, как купец давал выше рыночной цены на голубых песцов, лисиц, и повышенные цены принимаются по обоюдному согласию. Наконец все закуплено, все что только может потребоваться семье или группе родственников семей, живущих совместно, промышляющих и кочующих одним стадом на целый год, и уложено на нарты. Подсчитывается стоимость закупленного. Оказывается, товаров забрано на 7380 руб. Следовательно, самоед перебрал товаров на сумму в 1041 руб. Но ведь ему еще надо закупить бочонок спирта или водки с тем, чтобы привезти своим сородичам, которые ждут его в чумах. Он ведь достаточно погулял со своей женой. И они должны получить свою долю удовольствия. Для покупки

водки нужны деньги. Самоед берет у торговца взаймы 150 руб. На водку и расчет закончен. В результате самоед остается в долгу 1191 руб. Сумма эта зарезывается на новой бирке, на ней вырезывается тамга самоеда, бирка раскалывается на две половинки, одна остается у купца, другая у самоеда, все счета покончены, и он выезжает в чумы.

Возвращение в чумы с ярмарки — подлинное празднество. Общее довольство и уверенность в том, что семья обеспечена всем необходимым на год. Глава семьи с удовлетворением рассказывает, как удачно он выше рыночных цен продал свои и доверенные ему родственниками шкурки. Начинается всеобщее пьянство, пока не будет выпита все привезенная водка. Бывают случаи специальной поездки за водкой, но как только вся водка выпита, снимаются с места и откочевывают от Обдорска с тем, чтобы подкочевать к нему на обратном пути, чаще же только на следующий день ярмарки.

Такая система торговли с самоедами и остяками у моего хозяина зырянина Рочева Моторова. Такова она бывает и во все годы удачного, как в этом году, промысла. Бывают, однако, и плохие годы. Приезжает самоед к своему патрону, сдает пушнину, подсчитывает, и оказывается, что сдал он ее всего на 700 руб., а долга у него от прошлого года осталось тысяча рублей. Между тем по самому скромному подсчету ему для того, чтобы прожить год и запастись всем необходимым для промысла, надо получить товаров по крайней мере на две тысячи рублей. Купец отпускает ему эти товары, и самоед уезжает с долгом в 2300 руб. Купец кровно заинтересован в том, чтобы иметь должников, ибо самоед, задолжавший данному купцу, другому, кроме него, не сдаст свою пушнину. Если самоед или остяк решит перейти от одного купца к другому, то он предварительно обязательно рассчитается с ним по старым долгам.

Обычно случаи, когда задолжавший самоед два, три и более лет не приезжает на ярмарку и не является к своему заимодавцу. Через несколько лет к купцу является юноша и говорит, что он сын такого-то самоеда, которые вел дела с купцом. Теперь он сам промышленник, привез пушнину и желает рассчитаться с купцом за долги отца. Клиентура во втором поколении возобновляется, и молодой промышленник забирает за наличный расчет и в кредит товары и все необходимые ему для промысла припасы. Само собой разумеется, что при такой системе торговли купцы никогда не остаются в убытке [СПФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 562. Л. 95–100].

Благодарности

Я выражаю искреннюю и глубокую благодарность моим ненецким друзьям из тундры. Это Хадри' нися, Гена' небя, Артур, Алик, Арсений, Пашка, дядя Федя, Егор и многие-многие другие, которые открыли для меня мир тундровой красоты. Особая благодарность Хадри Окоэтэпто — прекрасному и тонкому знатоку ненецкой культуры. Без всех вас не было бы этой статьи.

Источники

СПФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 562. Путевые заметки, 1909–1910 гг., сделанные во время экспедиции в Северо-Западную Сибирь. Машинописная копия. [1985]. 106 л.